

ЭТНИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКОЕ ВО ВЛАСТНЫХ ПРОЕКТАХ / ETHNICITY AND ETHNIC IN GOVERNMENT AGENCIES' PROJECTS

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 10. С. 20–33

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК (940/47)+950/571

Административная русификация крестьянских обществ Сибири: проекты и практика имперских экспертов в середине XIX в.¹

Н. Г. Суворова

Омский государственный университет им Ф. М. Достоевского, г. Омск

Аннотация. Уникальный административный облик сибирского региона был обусловлен полиэтничным составом населения, своеобразием исходных параметров традиционной политической культуры и социальной организации русских крестьян и аборигенов. Закреплению новой территории способствовало использование государством уже апробированной модели взаимоотношений коронной администрации и местного общества, в которой основной упор делался на традиционные институты самоуправления русского населения, взаимовыгодный симбиоз государства и крестьянской общины. Важную роль в процессе социальной адаптации инородческого населения играли русские крестьяне и коронные чиновники. Сибирская «крестьянская программа» первой половины XIX в. вполне вписывалась в большой общеимперский проект «постепенной интеграции составных частей империи и их совместного плавного продвигания по пути модернизации без какого-либо качественного расширения сферы имперской унификации» (С. Каспэ). Со второй половины XIX в. тот же крестьянский вопрос рассматривался уже в рамках новых имперских идеологем, в том числе культурной и национальной инкорпорации. Средством для реализации новых программ русификации крестьянских обществ Сибири являлись, в том числе, административные и сословные преобразования. В центре исследования – проекты реформ и их реализация в отношении традиционных институтов самоуправления сибирских старожилов, переселенцев и инородцев. Крестьянские учреждения являлись главным каналом экспансии современного государства на традиционное общество. Через органы крестьянского самоуправления в традиционную политическую культуру государством привносились элементы не только современного управления, но и так называемой русской модели крестьянской общины. Начиная с программ II Сибирского комитета, государство на сибирской окраине пытается выстраивать единую управленческую структуру, дифференцированно подходя к различным этносам, используя или отвергая сложившиеся традиционные институты самоуправления. В связи с этим сопоставление проектов административной реформы в отношении различных категорий сибирского населения особенно продуктивно, поскольку позволяет не только рассматривать организацию низового звена управления как один из региональных вариантов инкорпорационной политики самодержавия, но и выявлять локальные различия в административном устройстве, определявшиеся спецификой этносоциального и конфессионального развития.

Ключевые слова: русификация, инкорпорация, крестьянское самоуправление, II Сибирский комитет.

¹ Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2619.

Уникальный административный облик сибирского региона был обусловлен полиэтничным составом населения, своеобразием исходных параметров традиционной политической культуры и социальной организации русских крестьян и аборигенов. Закреплению новой территории способствовало использование государством уже апробированной модели взаимоотношений коронной администрации и местного общества, в которой основной упор делался на традиционные институты самоуправления русского населения («русская модель управления»), взаимовыгодный симбиоз государства и крестьянской общины. Несформированность (локальность) сибирского крестьянского общества, усугубляемая территориальной разрозненностью, племенными, сословными перегородками, обуславливала применение общих интеграционных практик в отношении разнообразных групп сельского населения. Административные и сословные практики интеграции в равной степени распространялись и на местных старожилов, и на переселенцев, и на инородцев, приводя к единому российскому правовому и административному положению пространство окраинных регионов [6].

Сибирская «крестьянская программа» первой половины XIX в. вполне вписывалась в большой общеимперский проект «постепенной интеграции составных частей империи и их совместного плавного продвижения по пути модернизации без какого-либо качественного расширения сферы имперской унификации» [7, с. 138]. С середины XIX в. тот же «крестьянский вопрос» рассматривался уже в рамках новых имперских идеологем, в том числе культурной и национальной инкорпорации [16, с. 132–179]. Однако формирование и провозглашение новой идеологии в центре не всегда сопровождалось ее последовательным воплощением на местах. Учитывая местные обстоятельства и прежде всего степень обострения национальных проблем, окраинные практики русификации приобретали различные промежуточные формы [17, с. 763–765]. Средством для реализации новых программ русификации крестьянских обществ Сибири являлись уже испытанные на практике административные и сословные преобразования.

В 50-е гг. XIX в., еще до наступления общероссийской «эпохи реформ», начинается подготовка преобразований, направленных на более прочное соединение сибирской окраины с внутренними губерниями. В рамках II Сибирского комитета обсуждались различные направления ее хозяйственной, административной и культурной интеграции [2; 9; 14]. Многие из разработанных проектов реформ впоследствии не получили поддержки правительства и не переросли в официально признанную программу. Одной из причин этого можно считать стойкое нежелание центра признавать «отдельность», а следовательно, и «особость» Сибири в составе Российской империи. В результате отказа от колониального дискурса многие практики, в том числе и русификаторские, используемые на западных окраинах и на Кавказе, в Сибири не получили распространения [9]. Провозглашенные цели соответствовали видению проблемы из центра, но при этом реализация этой политики на практике соотносилась с местными условиями, снимающими остроту и радикализм национального вопроса.

В отчете генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, ревизующего Западную Сибирь в 1851 г., Сибирь определялась как «важнейшая часть России», которая в географическом и политическом отношении составляет «продолжение восточной, лучшей части ее» [13. Оп. 1. Д. 167. Л. 21]. Основное население региона – сибиряки – являлись, по мнению ревизора, частью единого русского крестьянства, «с тою только разницей, что пользуется большим довольством и привольем». Сытая (хотя и небогатая) и свободная сибирская деревня, как и в первой половине XIX в., по мнению чиновников, не требовала кардинальных социально-экономических преобразований, и поэтому «крестьянская программа» комитета ограничивалась преимущественно административными реформами [2; 17; 18].

Комиссии Анненкова, еще до выработки собственного плана преобразований, требовалось определить успешность и перспективу реализации реформы П. Д. Киселева на государственных землях Сибири. В 1851 г. коллежский советник В. А. Арцимович обследовал волостные правления, расположенные по дороге следования комиссии (Томск – Тобольск – Курган – Ишим). Сюда входили и так называемые образцовые волости, обновленные по плану П. Д. Киселева [1; 15]. Нововведение было признано «весьма успешным», и в отчете предлагалось территориально расширить эксперимент [4. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3126. Л. 40]. Вообще проблемам волостного управления Западной Сибири, его специфике было уделено значительное место. Во-первых, подчеркивалось особое значение органов крестьянского самоуправления как основы местного управления Сибири, так как ввиду слабого развития городов и отсутствия помещичьего хозяйства дворянское и городское сословия находились в меньшинстве, а государственные крестьяне составляли «господствующее Русское население Сибири» [4. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3126. Л. 40]. Во-вторых, отмечалось, что волостное и сельское управление вносило в систему местного управления новые принципы организации, в отличие от бюрократических органов губернского и окружного уровня. Но предложения Анненкова не отразили его понимания принципиальной разницы между бюрократическими и самоуправляющимися органами, они содержали только ряд рекомендаций по дальнейшей регламентации деятельности органов крестьянского самоуправления и по усилению надзора со стороны их ближайшего начальства. Несовершенство сословного крестьянского самоуправления, по мнению Н. Н. Анненкова, было следствием несоответствия правовых норм изменяющимся реалиям времени.

Одним из главных недостатков правового регулирования крестьянского самоуправления Анненков считал недостаточное внимание к проблемам ссыльных. Наличие большого количества ссыльных не только осложняло волостное делопроизводство, но и значительно расширяло полномочия волостных органов в отношении этих неполноправных членов общества [12, с. 357]. Анненков, а затем и II Сибирский комитет, предлагали приостановить дальнейшее устройство волостного управления до окончательного устройства ссыльных. Оно должно было состоять в точном определении порядка причисления, сбора податей, пределов административной и судебной власти во-

лостного правления в их отношении [13. Оп. 6. Д. 165. Л. 1–6]. В конце 50-х гг. Главное управление Западной Сибири подтвердило правила Министерства государственных имуществ, согласно которым расправы (судебные учреждения) образцовых волостей имели право рассматривать только дела государственных крестьян. Преступления и проступки ссыльнопоселенцев находились в ведении губернских правлений [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4403. Л. 4]. Выводя ссыльнопоселенцев из-под юрисдикции волостного правления, сибирские генерал-губернаторы выступили против поселения ссыльных отдельно от старожилов и против учреждения у них особого управления, признав это мерой, опасной для «общественного спокойствия» [12, Приложение IX, с. 429–430]. Хотя ссыльнопоселенцы до причисления в сословие государственных крестьян не входили в единое податное общество, но включение их в крестьянское общество снимало с чиновников и переключало на волостное начальство целый ряд задач, в том числе по учету населения и сбору податей. В отношении ссыльных эта задача превращалась в чрезвычайно трудоемкий процесс в связи с их постоянными перемещениями с места приписки. В 1857 г. ГУЗС разработало специальные формы для увольнительных билетов, в которых должно было указываться точное местопребывание ссыльнопоселенцев, чтобы облегчить администрации поиск неисправных налогоплательщиков [3. Оп. 2. Д. 795. Л. 6 об.].

Ревизия Анненкова привела к отстранению от должности генерал-губернатора П. Д. Горчакова, наиболее последовательного противника административной реформы в государственной деревне Западной Сибири. Но и после этого конфликт отраслевого и территориального ведомств не затух. Оппозиция Киселева, отстаивавшая правовую обособленность Сибири и незыблемость «Сибирского учреждения», получила более согласованную поддержку во II Сибирском комитете. Ревизия косвенно подтверждала выводы комиссии МГИ о том, что «Сибирские учреждения» не обеспечивают должного управления и надзора коронных чиновников за органами крестьянского самоуправления. Сибирское законодательство, по мнению Анненкова, не учитывало особенности географического и топографического развития Сибири, а также возрастающее влияние ссылки. Следствием этого, с одной стороны, были гораздо большая самостоятельность, сила и власть волостных органов, а с другой – самоуправство и произвол крестьянской администрации [12, с. 354]. Ознакомившись с предложениями комиссии, Анненков признал введение местных органов МГИ в Сибири неуместным, поскольку это привело бы к уменьшению значения местных властей. При обсуждении вопросов о введении особого управления государственными имуществами Западной Сибири Анненков на первый план выдвигал необходимость отражения в законе региональной специфики и сохранения единства в управлении всеми отраслями. Принципиальным противником распространения реформы на Сибирь был управляющий II отделением СЕИВК, член Сибирского комитета Д. Н. Блудов. Он скептически относился к введению образцового управления на том основании, что «сибирский образец из-за несколько сот и тысяч верст» никто не увидит [12, с. 378]. Блудов был последовательным сторонни-

ком преодоления административного разнообразия на уровне волости. В отзыве на записку Анненкова он отметил возможные точки сближения и унификации сибирских волостей: «...волости государственных крестьян во всей средней и южной полосах Сибири суть точно такие же, как и во внутренних заволжских губерниях...; оседлые инородцы сибирские почти такие же обыватели, как татары, вотяки и зыряне». Д. Н. Блудов не видел необходимости во введении окружных начальников, поскольку отсутствие в Сибири помещиков устраняло всякое притеснение крестьян. Как и 30 лет назад М. М. Сперанский, Д. Н. Блудов настаивал лишь на издании «полного хозяйственного, полицейского, судебного руководства для волостного и сельского управления в Сибири» [Там же].

Западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд занимал более лояльную позицию к административным проектам МГИ и даже ходатайствовал об открытии при Тобольской казенной палате особого отделения по части государственных имуществ с последующим преобразованием в палату. При обсуждении этого предложения в Сибирском комитете Киселев пошел на дальнейшие уступки сибирской администрации, признав возможным подчинение палат общему и главному управлениям [13. Оп. 1. Д. 202. Л. 5 об.]. Палаты государственных имуществ в структуре местных органов, согласно очередному проекту министра государственных имуществ, должны были действовать на тех же основаниях, что и казенные палаты, не представляя особого ведомства и не обладая исполнительной властью. Распоряжения, исходящие от палат, должны были передаваться для исполнения общей полиции, т. е. земскому суду. Введение палат на таких условиях не только не нарушило бы всевластия сибирских чиновников, но расширило бы их компетенцию и соответственно поводы для вмешательства во внутреннюю жизнь казенной деревни. П. Д. Киселев считал, что даже на таких основаниях, при соблюдении строгой экономии при составлении штатов и облегчении сибирских крестьян в земских сборах, деятельность палат государственных имуществ может дать положительные результаты. Другого мнения придерживались члены II Сибирского комитета. В итоге решено было проводить преобразования в сибирской деревне тем же «постепенным порядком», предписанным указом 1848 г. [13. Оп. 1. Д. 202. Л. 7 об.].

Приняв во внимание положительные отзывы ревизоров и исправников, курировавших образцовые волости, Совет ГУЗС в 1852 г. сообщил МГИ о распространении нового порядка на все округа Томской и Тобольской губерний (времененно исключая округа с преобладающим инородческим населением и входящие в горное ведомство) [4. Оп. 2. Д. 3276. Л. 39]. В каждом округе определялось по одной волости, где вводился новый, «образцовый» порядок управления. В виде эксперимента в начале 50-х гг. образцовое управление открывалось и в инородческих волостях, распространяя единую российскую модель не только на уровне административных органов, но и спуская ее до низовых учреждений самоуправления [5, с. 40–49].

Введение образцового управления началось вновь с 1858 г. и продолжалось до середины 60-х гг. На втором этапе элементы нового порядка управ-

ления вводились не только в образцовых волостях, но распространялись на все волости Западной Сибири. В 1855 г. МГИ распространило на сибирские губернии порядок сборов с государственных крестьян на удовлетворение мирских потребностей, принятый во внутренних губерниях [13. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 643. Л. 147]. Это должно было способствовать развитию общественного хозяйства сельского общества и максимально сократить самостоятельное распоряжение денежными сборами волостным правлением.

В конце 50-х гг. Сибирский комитет счел необходимым и возможным подготовить издание особого устава для волостных и сельских управлений с целью предотвратить неопределенность обязанностей и полномочий органов крестьянского самоуправления. II Комитет планировал составление «полного наказа Сибирским Губернским правлениям, казенным палатам и Окружным правлениям», но эта работа, в отличие от наказов для органов волостного и сельского управления, не была закончена [14, с. 64–66]. В 1857 г. по указанию Совета ГУЗС окружными управлениями были составлены проекты наказов для волостного и сельского управления Западной Сибири (Наказ для Сибирских губерний; Учреждение сельского управления государственных крестьян; Наказ для управления волостных правлений губернского ведомства Томской губернии; Приложение к проекту наказа волостных правлений; Проект наказа для волостных правлений Тюменского округа; Проект наказа волостным управлениям и аульным старшинам) [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4369, 4372; 4373; 4375; 4358]. Проекты представляли собой подробные инструкции, определявшие задачи, состав, предметы ведомства, пределы власти и степень ответственности органов и должностных лиц волостного и сельского управления. Сельский судебный устав не вводился, но в наказах определялись круг проступков и категории лиц, которые подлежали юрисдикции волостной расправы.

В проектах наказов волость сохраняла за собой статус низовой административной единицы, а селение признавалось единицей хозяйственной. Только в больших селениях, которые по отдаленности или неудобству сообщений не могли войти в волость, образовывалось собственное управление, по типу волостного. В остальных случаях в каждом селе избирался староста, и в помощь ему, для надзора за ссыльными, – выборный от каждой деревни. Волостной сход решал дела административные и вопросы взаимоотношений между сельскими обществами, а во внутренние дела сельского общества не вмешивался. Сельский сход самостоятельно распоряжался общинными земельными угодьями, оброчными статьями, распределял подати и повинности, назначал кандидатов в рекруты. Членам сельского общества разрешалось обсуждать на сельском сходе вопросы «в пределах хозяйственного и домашнего быта». К таким вопросам относились увольнение и прием членов общества, назначение и учет опекунов, земельные переделы, сдача в аренды общественных земель и др. [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3530. Л. 269–276]. Наиболее важные приговоры сельского схода должны были утверждаться волостным правлением или казенной палатой. Значительно шире определялись функции и полномочия сельского старосты. Если раньше обязанности старосты ограничивались сбором податей и «побуждением к платежу недоимок по взносу пода-

тей», то в наказах компетенция старост включала и распоряжения по хозяйственным делам, и судебные разбирательства маловажных проступков [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3530. Л. 268–268 об]. Фиксация функций старост и сельского схода, отделение их от функций волостных органов означали начало процесса легализации институтов сельского мира.

Создание наказов можно считать первым опытом кодификации правовых норм крестьянского самоуправления Западной Сибири, а также очередной попыткой унификации правового пространства низового уровня управления. Это мероприятие было актуальным, учитывая хаотичное состояние сибирского законодательства в целом и особенно регулирующего деятельность волостных и сельских органов. В наказах были систематизированы действующие правовые нормы из «Сибирского учреждения» (штат волостного правления и выборных должностных лиц по сельскому управлению, порядок взаимоотношений с местными органами власти, ответственность членов волостного правления перед коронными органами) и «Общих губернских учреждений», а также циркулярные распоряжения местных властей и МГИ, что позволяло, с одной стороны, учитывать специфику сибирских волостей, а с другой – преодолевать их правовую обособленность.

Эта мера была действительно насущной, поскольку деятельность волостных и сельских органов в середине XIX в. регулировалась четырнадцатью уставами, в том числе уставами о службе по определению от правительства, рекрутским, о земских повинностях, о соли, об опеке, строительным, пожарным, об общественном призрении, об обеспечении народным продовольствием, о паспортах и беглых и др. [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4369. Л. 74]. Порядок волостного и сельского управления, предлагаемый в наказах, в основном соответствовал образцовому управлению, поэтому введение наказов в практику означало бы повсеместное распространение переходного варианта крестьянского самоуправления, в большей степени приближенного к «русской модели». Подчеркнем, что проекты уставов для низовых органов волостного и сельского управления в Главном управлении Западной Сибири создавались и для государственных крестьян, и для инородцев с целью унифицировать и рационализировать это звено управления. Поэтому основное внимание в «Наказах ...» уделялось делопроизводству волости, порядку переписки и отчетности. Кроме того, создание уставов для инородческих волостей не предполагало распространения неких русских традиций управления, поскольку учитывались и действующие нормы Устава об инородцах, Устава о сибирских киргизах, Общего наказа Частному окружному управлению области сибирских киргизов. Создание переходных моделей позволяло, с одной стороны, учитывать специфику традиционных институтов аборигенного кочевого населения, а с другой – преодолевать их правовую обособленность, определяя перспективы сближения.

Смена руководства МГИ, подготовка и реализация крестьянской реформы в центре отодвинули сибирские проблемы на второй план. В итоге введение образцового управления и обсуждение «Наказов ...» было приостановлено. При разработке проектов о преобразовании волостного и сельского

управления государственных крестьян продолжали дискутироваться прежние вопросы: о необходимости и возможности легализации сельских обществ в государственной деревне Западной Сибири, об организации местных органов государственных имуществ. Только подготовка крестьянской реформы во внутренних губерниях существенно скорректировала планы комитета. В начале 60-х гг., в ходе обсуждения проектов наказов для волостного и сельского управления, разработанных Г. Х. Гасфордом, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев указал на невозможность и нецелесообразность отказа от сельского управления. Это «уничтожало бы основную общинную форму сельского управления и заменяло ее управлением личным» [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3530. Л. 291]. Позиция Н. Н. Муравьева нашла отражение в «Проекте устава сельского и волостного управления для сельских обывателей Восточной Сибири» [4. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3530. Л. 290–314], составленного в Главном управлении Восточной Сибири уже с учетом Положения 19 февраля 1861 г. Сельское общество признавалось низовой административно-хозяйственной единицей с судебными полномочиями.

Исходя из этих принципов, восточносибирской администрацией были разработаны наказания для волостного и сельского управлений. Г. Х. Гасфорд, рассмотрев «Проект ...», признал его «удобоприемлемым для Западной Сибири». Однако наказания не были введены, а дальнейшее введение образцового управления прекращалось до выработки специального закона для государственных крестьян. Вновь обсуждение проектов о преобразовании общественного управления государственных крестьян начнется в 1866 г., уже после закрытия II Сибирского комитета.

В рамках II Сибирского комитета обсуждались и новые направления колонизационных мероприятий. В 40–50-е гг. XIX в. в Сибирь переселялись в основном государственные крестьяне из малоземельных губерний под руководством МГИ. Цели этого достаточно массового явления определялись традиционно: решение проблем обезземеливания и продолжение хозяйственного освоения территорий окраин («Чтобы излишние руки в одних местах обратиться в другие, к возделыванию пространств, впусе лежащих»). Однако ограничения, сохранявшиеся в отношении некоторых категорий государственных крестьян (семьи с детьми призывного возраста, крестьяне под следствием или судом, крестьяне-мануфактуристы и ремесленники), по-прежнему свидетельствовали о российских, а не сибирских приоритетах в колонизационной политике. Государство, контролируя масштабы переселения, жестко регламентировало все этапы переселения, заботясь о появлении в Сибири состоятельного колонизатора и прочности его водворения. Местные учреждения МГИ должны были контролировать районы выхода и водворения переселенцев, определяя степень экономической, политической и социальной целесообразности переселения, проводить межевые и землемерные работы, формировать переселенческие партии, следить за использованием ссуд. Государство обеспечивало прибывших жильем, продуктами питания, сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, кормами и семенами, предоставляло 3-летнюю льготу на выплаты податей и 10-летнюю денежную ссуду. При не-

значительных размерах переселенческого движения государству реально удавалось обеспечивать переселенцев всем необходимым, но льготы привлекали население и способствовали стихийному волнообразному нарастанию переселения.

Колонизационные планы II Сибирского комитета, ориентируясь уже на проблемы осваиваемого региона, предполагали расширение географии крестьянского переселения и сословного состава колонизаторов. Так, вопреки мнению западносибирской администрации, было признано полезным водворение в степи не только казаков, но и русских крестьян [2, с. 221]. Учитывая потребность региона в состоятельных и самостоятельных колонизаторах, комитет рассматривал варианты дворянской колонизации. Необходимость распространения на Сибирь частного дворянского землевладения мотивировалась развитием края в соответствии с «потребностями Русской жизни и сообразно с монархизмом», а также расширением в среде сибирского населения образованных и «верных слуг престола, безусловных исполнителей воли монаршей». Проекты дворянской колонизации были непосредственно связаны с решением крестьянского вопроса, поскольку предполагали различные формы зависимости крестьян от новых землевладельцев.

Помимо официальных проектов, разработанных по крестьянскому вопросу во II Сибирском комитете, особую значимость для понимания его деятельности имеют нереализованные проекты, раскрывающие неочевидные альтернативы, позволяющие увидеть новые факторы, влиявшие на принятие окончательного решения. В 1856 г. во II Сибирский комитет из Киевской губернии поступил оригинальный проект титулярного советника Л. Похилевича «об умножении народонаселения Русского в Сибири» [13. Оп. 5. Д. 73]. Новаторство проекта заключается не в проблеме обсуждения, а в радикальности предложенных методов, не по-сибирски остро заявленном национальном интересе в колонизационных мероприятиях государства на восточных окраинах. Программы заселения и освоения Сибири к этому времени существовали уже не только на бумаге, но и активно претворялись на практике, осуществляя двуединую задачу хозяйственного развития внутренних малоземельных губерний и слабозаселенных окраин. В представленном проекте помимо хозяйственных проблем выдвигались собственно имперские задачи слияния центра и окраин, преодоления этнического, конфессионального и культурного своеобразия сибирских инородцев с целью окончательного единения их с русским населением «узами единоверия и единославия».

Чиновник Л. Похилевич создал свой проект по личной инициативе, и это стало одной из причин, по которой проект не рассматривался в комитете. Частный характер документа придает ему значимость именно как источнику для характеристики настроений в среде чиновничества западных губерний, где национальный вопрос уже проявил себя достаточно остро, а ассимиляторская и традиционалистская позиции были не только заявлены в прессе, обсуждались радикальной интеллигенцией, но и укоренились в сознании чиновника [10, с. 51–62]. Похилевич не только усваивает идеи о необходимости обрусительной политики в отношении западных окраин, но и предлагает аналогичный

план русификации Сибири, призванный предотвратить появление здесь сепаратистских настроений. Автор предложил три способа колонизации Сибири: во-первых, единовременное переселение в Сибирь излишнего населения Европейской России; во-вторых, периодическое переселение представителей всех сословий в виде рекрутского набора; в-третьих, своеобразный долговременный «брачный эксперимент» для русификации сибирских инородцев; причем все направления, указанные автором, имели упреждающий характер.

Наиболее удобным и верным средством обрусения многочисленных инородцев Сибири Л. Похилевич считал ассимиляционные программы. В своем проекте он предлагал долговременный радикальный по средствам и последствиям эксперимент «перерождения» наиболее крупных сибирских народностей. Суть этой программы заключалась в следующем: крупные партии молодых холостых представителей инородческого племени (до 1 тыс. человек), сформированные в казачьи полки, отправлялись в Европейскую Россию, включая Польшу и Финляндию, для заключения браков с «местными девицами». Местное гражданское и духовное начальство должно было содействовать сближению «чужестранцев» с коренным русским населением. Возвращаясь обратно, молодожены забирали с собой холостых представителей местного населения. В такой последовательности брачный эксперимент повторялся для закрепления результатов до 30 раз. Помимо конечного итога – увеличения численности населения, происходили и качественные его изменения, «оно превращалось в чисто русское... делалось богаче, красивее, образованнее», придавая азиатской окраине совершенно новый вид. Важным представлялся и сам процесс «путешествия за невестами», поскольку позволял разрушать изолированное положение инородцев, совершенствовать знания русского языка, что в конечном итоге привело бы к сознательному обрусению. Приоритет именно национального критерия видится в выстраивании иерархии наций (высшие и низшие), в присутствии культуртрегерских мер по распространению русского языка и православия («посредством браков будет уничтожен татаризм»). Проект Похилевича не только усваивает идеи о необходимости обрусительной политики в отношении западных окраин, но и предлагает аналогичный план русификации Сибири, призванный предотвратить появление здесь сепаратистских настроений.

Одно из наиболее близких (к проектам комитета) предложений Л. Похилевича предполагало расширение социальной базы колонизационного движения за счет привлечения к переселению не только крестьян и горожан, но и дворянства, духовенства и военных. Тем самым сибирское общество получило бы все недостающие элементы российских губерний и, соответственно, возможность распространения общероссийских порядков. В соответствии с разнообразием исходного «колонизационного материала» автор проекта предлагал различные формы земельных отношений: для пробуждения интереса к переселению у состоятельной части русского населения предусматривалась передача земель в собственность, для необеспеченных – выдача казенных земель в пользование. Для привлечения состоятельного колониста в проекте предлагалось «усилить дух соревнования» предоставлением равных с

дворянством прав на землю купцам 1-й и 2-й гильдий и почетным гражданам православного вероисповедания. Тем самым на Сибирь планировалось распространить не только крепостное право в самой тяжелой форме военных поселений, но и достаточно прогрессивные формы землевладения без использования зависимого труда. Крупное помещичье хозяйство рассматривалось как эффективная форма при условии обеспечения крестьян достаточным количеством земли. При создании сибирских имений на каждую ревизскую душу требовалось приобрести не менее 30 дес. с прибавлением от казны такого же количества безвозмездно в запас для будущих переселенцев или водворения крещеных инородцев. Предлагалось также разрешить крестьянину после выплаты помещику податей переходить с семьей к другим владельцам. Здоровый дух конкуренции и соревнования в дальнейшем определил бы более устойчивые и прогрессивные отношения между сибирскими дворянами и крестьянами.

Рассматривая отношения между помещиками и крепостными крестьянами, Л. Похилевич отмечал несправедливость распространения крепостной зависимости только на славянское население, поэтому допускал использование местных инородцев, принявших крещение, в новых сибирских помещичьих имениях, а также создание инородческих полков для гарнизонной службы. Определяя состав дворян-переселенцев, он также настаивал на необходимости начинать с помещиков неславянского происхождения Польши, Финляндии и остзейских губерний. Переселение на восточные окраины решало бы тем самым несколько проблем, в том числе и западных территорий. Освобожденные имения «инородных дворян» должны были занимать коренные русские, «несравнимые ни в степени любви к отечеству, ни к его славе». Идея о недопустимости переселения в Сибирь исключительно русского или славянского населения как опасного усилением «инородческих и иноверческих» сил будет официально подтверждена в 1868 г. [11, с. 60]. Признавая даже не всегда очевидные преимущества славянского православного колонизатора, Похилевич допускал привлечение и инородческих и иностранных колонистов, при условии чересполосного их расселения и последующей ассимиляции с православным населением. Преодоление конфессиональной и национальной замкнутости, «всегда не полезной и даже вредной в видах государства», особенно в отношении немцев и поляков, «признающих себя высшими», позволило бы сделать иностранную колонизацию действительно образцовой для местного населения, распространяющей хозяйственные навыки и более высокий уровень образования. В данном случае Похилевич обращался к злободневной проблеме привилегий иностранных колонистов на окраинах Российской империи, возможности и необходимости их сохранения. Исключительные условия для иностранцев (финансовые, рекрутские льготы, широкие административные, судебные и конфессиональные права) дополнительно подчеркивали неполноправность русского населения и тем самым усиливали непривлекательность их образа жизни, перечеркивая надежды государства на создание положительных мотивов для добровольного обрусения.

В это же время в Сибирском комитете обсуждался вопрос о недостатках иностранной колонизации в связи с рассмотрением проекта Ф. Шнейдера о

создании в Приамурском крае колонии меннонитов – «настоящих образцовых ферм», «рассадника полезных, достигших степени совершенства» ремесленных производств [13. Оп. 9. Д. 54]. В итоге по положению Сибирского комитета был утвержден указ от 5 апреля 1859 г. об установлении общих правил для русских и иностранных колонистов Амурской и Приморской областей, включая приобретение земельных участков в собственность. Следует заметить, что идея уравнивания прав, признанная государством, по мнению Похилевича, была необходимой, но очевидно недостаточной.

В целом колонизационный русификаторский проект Л. Похилевича был более радикальным и по масштабам, и по предложенным средствам его реализации, чем мероприятия, реализуемые в это время в Сибири. Однако такая русификация сибирского населения, очевидно, не вполне соответствовала целям II Сибирского комитета. Неочевидность и невыраженность на данном этапе этноконфессиональных проблем делала преждевременными предложенные меры. Можно предположить, что столь активное насаждение национальной программы со стороны государства, включение в нее широких слоев населения могло спровоцировать зарождение и обострение «сибирских имперских вопросов».

Постановка и основные направления крестьянского вопроса во II Сибирском комитете подчинялись и соответствовали общероссийским тенденциям. Комитету не удалось кардинально переломить отношение высших властей к сибирской окраине, однако именно благодаря высшим территориальным комитетам в первой половине XIX в. ряд вопросов рассматривался именно в региональном измерении, более точно учитывая местную специфику и позицию местной администрации. Сибирские комитеты стали промежуточной, но очень важной ступенью принятия административного решения и его реализации на практике, адаптируя общероссийское законодательство, с одной стороны, и преодолевая сопротивление местных чиновников – с другой. На примере решения в комитетах конкретного «крестьянского вопроса» данная значимая тенденция прослеживается постоянно. Члены Сибирского комитета, учитывая общие тенденции в правительственной политике в области административного, социально-экономического переустройства сибирского региона, решение частных вопросов максимально соотносили с местными условиями.

Начиная с программ II Сибирского комитета, государство на сибирской окраине пытается выстраивать единую управленческую структуру, дифференцированно подходя к различным этносам, используя или отвергая сложившиеся традиционные институты самоуправления. В связи с этим сопоставление проектов административной реформы в отношении различных категорий сибирского населения особенно продуктивно, поскольку позволяет не только рассматривать организацию низового звена управления как один из региональных вариантов инкорпорационной политики самодержавия, но и выявлять локальные различия в административном устройстве, определявшиеся спецификой этносоциального и конфессионального развития.

Список литературы

1. *Арцимович В. А.* Описание Сибирского края / В. А. Арцимович // Истор. архив. – 1996. – № 5/6. – С. 192–214.
2. *Волчек В. А.* Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета / В. А. Волчек. – Новосибирск : Сиб. науч. кн., 2006. – 420 с.
3. Государственный архив Томской области. Ф. 3.
4. Государственный Исторический архив Омской области.
5. *Дамашек Л. М.* Временное положение о крестьянских начальниках 1898 г. и народы Сибири / Л. М. Дамашек // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири : сб. науч. тр. – Иркутск, 1982. – С. 40–49.
6. *Земскова Е.* Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики» [Электронный ресурс] / Е. Земскова // НЛО. – 2002. – № 57. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/57/zems.html>.
7. *Каспэ С. И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 256 с.
8. *Кузнецов А. С.* Второй сибирский комитет / А. С. Кузнецов // Политика царизма в Сибири в XIX – начала XX в. – Иркутск, 1987. – С. 3–21.
9. *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять / А. Миллер // AbImperio. – 2002. – № 2. – С. 133–148.
10. *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. – СПб. : Алетей, 2000. – 260 с.
11. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. : монография / отв. ред. М. П. Костюк, В. А. Ламин. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2001. – 240 с.
12. *Прутченко С. М.* Сибирские окраины. Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки / С. М. Прутченко. – СПб., 1899. – 410 с.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1265.
14. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1997. – 252 с.
15. *Ремнев А. В.* «Описание Сибирского края» В. А. Арцимовича / А. В. Ремнев // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск, 1995. – С. 75–78.
16. *Ремнев А. В.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Истор. зап. – М., 2008. – Т. 11(129). – С. 132–179.
17. *Смирнов И. Н.* Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики / И. Н. Смирнов // Истор. вестн. – 1892. – № 3. – С. 763–765.
18. *Топчий А. Т.* Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899) / А. Т. Топчий. – Томск : Изд-воТом. ун-та, 1979. – 277 с.
19. *Худяков В. Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В. Н. Худяков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. – 263 с.

Administrative Russification of Peasant Communities in Siberia: Projects and Practices of Imperial Experts in The Middle of The Xix Century

N. G. Suvorova

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk

Abstract. Unique administrative appearance of Siberian region has been due to multiethnic population, peculiarity of original elements of traditional political culture, and social organization of Russian peasants and native peoples. Government's use of the previously tested model of interaction between the "crown" administration and local society, in which traditional institutes of self-administration of the population of Russia and mutually beneficial union of the government and the peasant community was emphasized, greatly contributed to securing new territory. Russian peasantry and "crown" officials played an important part in the process of social adaptation of the foreign-born population. The Siberian "Peasantry program" in the first half of the XIX century fit quite well in a big imperial project of "Gradual integration of the regions of the Empire and their collective smooth promotion towards modernization without any qualitative expansion of the imperial unification sphere" (Caspé). Starting with the second half of the XIX century the so-called "peasant question" was examined in the context of new imperial ideologies, including cultural and national incorporation. Administrative and social class reorganizations served as additional means for implementation of new russification programs of peasant communities in Siberia. Reformation schemes and their implementation in traditional institutes of self-administration of Siberian natives, immigrants, and foreign-born residents are at the core of the research. Peasant organizations were the main expansion channel of the modern government towards traditional society. The government introduced elements of modern state administration not only through peasant self-government institutions but also through a so-called "Russian model of the peasant community". Starting with the Second Siberian Committee programs the government of Siberian suburbs had been trying to form up a unified administrative structure by using a differentiated approach towards various ethnicities and by accepting or rejecting existing traditional administrative institutes. In this regard, evaluation of administrative reform projects in relation to various categories of Siberian population has proved to be especially productive, because it allows not only to consider the organization of the local administrative branch as one of regional options of the incorporational policy of self-administration, but also to reveal local differences in administrative organization that were formed by ethnosocial and confessional development specifics.

Keywords: Russification, incorporation, peasant self-government, II Siberian Committee.

Суворова Наталья Геннадьевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра дореволюционной отечественной истории и документоведения
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
644070, г. Омск, пр. Мира 55-а
тел.: 8(3812)670244
e-mail: sng19911@rambler.ru*

Suvorova Natalia Gennadyevna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of pre-Revolutionary
Russian History and Documentation
F. M. Dostoevsky Omsk State University
55-a, pr. Mira, Omsk, 644070
tel.: 8 (3812)670244
e-mail: sng19911@rambler.ru*